

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Опасная
МАСТЬ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Опасная масть

«ЭКСМО»

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Леонов Н. И.

Опасная масть / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2013 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-67931-7

В люксе фешенебельного столичного отеля обнаружен труп депутата Государственной Думы Константина Вингрова. По всем признакам народный избранник скончался в результате банальной остановки сердца, но эксперты уверены, что Вингров был убит. Дело в том, что ко лбу депутата была приклеена игральная карта – дама пик, и этот факт говорит не в пользу версии о естественной смерти. Расследование поручают полковникам Гурову и Крячко. Крячко остается «копать» в Москве, а Гуров в поисках зацепок отправляется на родину депутата, в Ярославль. Следователя интересует информация о криминальной молодости Вингрова. Что-то подсказывает ему, что разгадку тайны «пиковой дамы» следует искать в далеком прошлом...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-67931-7

© Леонов Н. И., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Леонов, Алексей Макеев

Опасная масть

© Леонова О. М., 2013

© Макеев А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

* * *

Глава 1

...Убитого обнаружила горничная Фаина Лантухина. По ее официальной версии, она вошла в этот люкс якобы только потому, что постоялец вызвал к себе обслуживающий персонал по простой и обыденной причине – нужно было заменить раздражавшее его взор постельное белье фиолетового оттенка на салатово-зеленоватое. Ну, а если по правде, то на этот час именитый обитатель номера в одном из самых дорогих столичных отелей «Онтарио» просто-напросто назначил ей свидание. Не первой молодости сластолюбец намекнул ей на щедрый гонорар за некоторые «любезности», каковые хотел бы от нее получить. Не «срослось»...

Фаина даже не предполагала, сколь угнетающее впечатление окажет на нее вид расprostертого на диване с умопомрачительной обшивкой раскормленного мужика в дорогом халате. Крупный предприниматель и депутат Госдумы Константин Вингров полусидел, полулежал, откинувшись назад и безвольно свесив руки с выставленными вперед ладонями. На волосатых ногах, выглядывающих из-под долгополого японского халата, расшитого драконами, были надеты заурядные шлепанцы вьетнамского производства. Голова усопшего – бесформенная, плешивая, с неаккуратными ушами и крючковатым носом, запрокинутая на спинку дивана, наклонена к левому плечу.

Но самым невероятным во всей этой картине выглядела игральная карта с изображением дамы пик, прилепленная ко лбу покойника. Именно это и стало поводом к тому, что гибель данного субъекта общегосударственного значения сразу же и безоговорочно была признана убийством. Правда, Фаина, войдя в номер и увидев Вингрова с вытаращенными глазами, исполненными безмерного ужаса, и мучительно перекошенным ртом, на какое-то мгновение подумала, что это его очередная шутка. Проживая в гостинице неоднократно, Константин Вингров успел зарекомендовать себя весьма неординарной по части розыгрышей и всевозможных приколов личностью. Горничная даже хотела подойти к постояльцу и, включившись в затеянную им игру, пощекотать его под мышками – она уже знала, что депутат ужасно боялся щекотки. Однако, сделав всего пару шагов в его сторону, внезапно замерла, словно ее ноги примерзли к полу, – Фаина почти физически ощутила, каким леденящим холодом смерти веет от тела мужчины. Дрожа от страха, она с пронзительным воплем ринулась вон из номера, переполюшав всех, кто в этот момент оказался в коридоре. И не только их. Из соседних люксов и полулюксов начали высовываться недоумевающие постояльцы, которых заинтересовала причина отчаянного визга, заполнившего гостиничный этаж.

Прибывшая опергруппа, не явив и малейших признаков каких-либо эмоций (эка невидаль – очередной жмурик нарисовался!), приступила к своей привычной рутинной работе. Судмедэксперт с равнодушием огородника, опрыскивающего очередную сотку картошки карбофосом, проверял степень трупного окоченения тех или иных групп мышц убитого, пытаясь найти на его теле следы каких-либо механических повреждений – ссадин, кровоподтеков, царапин, ранений, нанесенных холодным или огнестрельным оружием, а также подкожных, внутримышечных, внутривенных инъекций. Однако все его усилия оказались напрасны – усопший был абсолютно невредим, словно только что снесенное диетическое куриное яичко.

Не удалось явить свои профессиональные дарования и криминалистам, искавшим оставленные убийцей отпечатки пальцев, оторвавшиеся от одежды пуговицы, выпавшие из кармана ключи или зажигалки. Единственное, что ими было добыто, – окурки из большой хрустальной пепельницы. К досаде сыщиков, таинственный преступник оказался на редкость осторожным и предусмотрительным. Кроме того, обладающим еще и некоторыми паранормальными способностями. В самом деле, как и чем можно было объяснить то, что никто из соседей по коридору, никто из обслуживающего персонала вообще не мог припомнить каких-либо посторонних, кто за последние два часа заходил в номер Вингрова. Словно в отеле завелся некий

кровожадный невидимка, способный проникать через стены и убивать одним лишь взглядом. Ведь если бы не издевательски прилепленная карта, кончина депутата-предпринимателя объяснялась бы причинами естественного порядка – сердчишко остановилось, и настал «слуге народа» полный «карачун».

Даже полное и детальное вскрытие убитого в морге, исследование его внутренних органов на содержание в их паренхиме ядов или токсинов, оказалось пустой тратой времени. У Вингорова как бы просто так, само по себе остановилось сердце. В момент паузы между систолой и диастолой оно отчего-то больше не захотело ни сокращаться, ни расслабляться.

Следователь районной прокуратуры, допросивший Фаину, так и не смог добиться от нее признания, что это она специально, по причине личной неприязни к усопшему прилепила ему на лоб карту, а на самом-то деле умер он сам по себе и никакого убийства не было и в помине. Но горничная, будучи дамочкой хоть и далекой от святости, но не лишенной здравого смысла, упорно доказывала, что никаких манипуляций с картами не проделывала и проделывать не намеревалась.

Фаина даже пошла на то, что призналась, в чем была истинная подоплека ее визита в номер Вингорова. Поскучневший следователь, уже предвкушавший, как своим росчерком переведет этот скандальный случай из разряда «убийство при невыясненных обстоятельствах» в «мелкое хулиганство из чувства личной неприязни», поинтересовался, часто ли у депутата бывали женщины. Горничная, энергично закивав, подтвердила, что «слуга народа», ежели по правде и по совести, вел себя подобно оголодалому «кобелино». Иные дни у него в номере бывало до двух, а то и трех девиц с панели.

Удивленно почесав лоб, следователь выразил сомнение – неужели со всеми своими визитершами Вингров ухитрялся, так сказать, «откувыркаться по полной программе»? Знающе усмехнувшись, Фаина с таинственным видом сообщила ему, что покойничек перед свиданиями постоянно «фуговал» себе какие-то импортные уколы. Это соответствовало действительности – в вещах убитого оказалось несколько коробок с ампулами импортного секс-стимулятора «Сатириазон», который был передан фармацевтам для исследования.

А опера райотдела, хорошо понимая, что глухарь в подобной ситуации невозможен (не дворник же дядя Федя преставился по причине злоупотребления чаем и кефиром!), активно рыли и копали во всех направлениях. Они дотошнейшим образом опросили соседей Вингорова по гостинице, просеяли весь, без исключения, персонал, сумели даже разыскать некоторых тружениц панели, с которыми тот так любил развлекаться... Но никаких следов, никаких зацепок найдено не было. Попытки разыскать родственников Вингорова тоже оказались безуспешными – таковые отсутствовали.

А в главном представительном органе страны тем временем начали закипать настоящие страсти. Сообщение о смерти коллеги было сделано спикером Думы на одном из пленарных заседаний, на что собравшиеся отреагировали традиционным вставанием и минутой молчания. Далее, в процессе обсуждения полученной информации, парламентарии высказались о необходимости проведения самого тщательного и скрупулезного расследования, которое позволило бы в кратчайшие сроки выявить как заказчиков, так и исполнителей «зверского убийства народного избранника».

Наиболее жестким и бескомпромиссным было выступление однопартийца Вингорова по Партии Прцветания России (ППР), гневно клеймившего «негодяев, которые спят и видят крах нашей страны, для чего и уничтожают ее лучших сынов», а также потребовал личного отчета о ходе расследования глав МВД, генпрокуратуры и Следственного комитета. Участники заседания его предложение приняли, почти единогласно проголосовав «за».

Старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска при МВД полковник полиции Лев Гуров поздним вечером сидел у себя дома и смотрел по телевизору

новости столицы и столичного региона. Без особых эмоций просмотрев двухминутный сюжет об открытии новой станции метро, он не мог сдержать саркастического смеха, когда ФМС-ники горделиво объявили о «выдворении за пределы страны» аж сразу двух нелегалов из Средней Азии. Причем один из них уже выдворялся год назад с запретом въезжать еще на пять лет вперед, а другой вообще не имел никаких документов. В самом деле, чем гордиться, если нелегалов на каждом шагу – хоть эшелонами вывози?! А «легалы» – то чем лучше? Только тем, что получили в ФМС бумажку на право пребывания в России. И при этом, несмотря ни на какие «тысяча первые китайские предупреждения», очень часто творят всевозможные непотребства, за которые, по совести сказать, таковым «спасителям российской экономики» следовало бы где-нибудь на Новой Земле пару-тройку лет пасти белых медведей.

В заключение этого сюжета жизнерадостный чиновник из ФМС бодренько отрапортовал о том, сколько нарушителей паспортно-визового режима было выпровожено из России за истекший квартал, одновременно высказавшись за всемерное расширение въезда гастарбайтеров. По его мнению, без высококвалифицированных дворников российской экономике в ближайшие годы может наступить полный кирдык.

Затем перед телезрителями выступил представитель Генпрокуратуры, который рассказал о ходе расследования убийства депутата Госдумы, во многом повторив уже сказанное им ранее. Лев о случившемся позавчера в отеле «Онтарио» был наслышан и воспринимал это громкое происшествие, как и большинство прочих происшествий подобного рода, не более чем лишнее подтверждение грустной российской данности. Для него не было разницы, кто именно убит – простой сантехник или миллионер и заодно член представительной власти. Разумеется, любое убийство всегда и всюду нужно расследовать с максимальным тщанием, дабы виновный в том, что его руками отнята чужая жизнь, понес заслуженную кару. Но Гурова всегда раздражало, когда вокруг убийства «особо избранных» устраивались грандиозные информационные «камлания», тогда как смерть многих тысяч (тысяч!) обычных граждан оставалась никем не замеченной. Они всего лишь пополняли статистику, и не более того.

Лев вспомнил одного из соседей по подъезду, который, год назад приехав жить к своей дочери из Украины, частенько комментировал на своем «суржике» те или иные события. Как-то они вместе спускались в лифте, и дед с Полтавщины иронично отозвался о тогдашней шумихе вокруг гибели крупного московского банкира:

– Як помер богатыр, дак собрався весь мир. А як помер беднячок, тильки поп да дьячок...

Неожиданно зазвонил сотовый, лежавший рядом на столе. На мониторе высветилось фото генерал-лейтенанта Петра Орлова, начальника Главка угро.

«Это какого же хрена ему приспичило звонить? – задумчиво нахмурился Гуров – этот звонок, скорее всего, ничего оптимистичного не сулил. – Не иначе собирается втюхать убийство в «Онтарио». Мне, блин, этого только не хватало!..»

Он оказался абсолютно прав. Для проформы поинтересовавшись самочувствием, Петр немедленно перешел к делу.

– ...Телик смотришь? – спросил он строгим тоном, как если бы именно от этого зависело состояние правопорядка не только в границах МКАД, но и за его пределами. – Уловил, в чем юмор? Наши парламентарии жаждут результата в деле поиска убийцы Вингрова. Местный райотдел уже расписался в том, что буксует и вряд ли что сможет найти. А посему, Лева, как всегда, вся надежда только на вас со Станиславом. Сдавайте свои текущие дела, бросайте все и завтра же приступайте к делу об убийстве в гостинице «Онтарио».

– Японский городской! Я же только сегодня закончил дело по краже из Исторического музея. Больше недели не вылезал из разъездов! Ты же мне обещал по раскрытии сразу два выходных. Где они? Стас на сегодня уже без пяти минут, как закончил расследование убийства цыганского барона. Значит, теперь он свое дело передаст другому и все лавры достанутся кому-

то, а он опять как бы в «пристяжных», да? Слушай, тебе не стыдно вот так без конца дергать нас обоих?

– Стыдно, Лева, стыдно – говорю, не кривя душой... – тягостно вздохнул Орлов. – Но куда деваться? Мне только сейчас позвонили, знаешь, откуда? А-а-а... То-то же! В том, что случилось с Вингровым, кое-кто видит политический подтекст. Дескать, официальная власть ликвидирует потенциально опасных ей политиков. Мы-то с тобой понимаем, что этот «великий политик» – пустое место, «голосовальщик» по заказу тех или иных лоббистов. Но – смешно сказать! – по этому поводу сегодня уже раскудахтался американский Госдеп, на днях там намечаются слушания в Конгрессе, англичане задергались... Вот так-то! Того гляди, опять начнутся протестные шествия во главе с Мишей – два процента, Гариком-рокировщиком и Борей Кучерявым. Помнишь же, что было после дела тех трех дебильных кошелок, надумавших плясать в церкви? Такие, понимаешь, пироги...

– Вот, как всегда – на ровном месте да мордой об асфальт!.. – Лев при этих словах только что не зарычал подобно своему гривастому тезке. – Ну, допустим, я согласился. И то – учти! – только по дружбе иду тебе навстречу. Ну, а Стасу, будь добр, звони сам. Я его уговаривать не стану.

– Да Стас уже согласен... – несколько повеселев, поспешил уведомить Орлов. – Ну, все! Значит, договорились – завтра приступаете. Лева, как раскроете дело, к этим двум выходным добавлю еще два. Вот те крест!

– Ага! Так я тебе и поверил! – сердито рассмеялся Гуров, нажав на кнопку отбоя.

Выглянув из спальни, его жена – ведущая актриса одного из столичных театров Мария Строева, – сочувственно поинтересовалась:

– Что, Лева, опять выходные отменяются? Ну, вот... А я так надеялась, что хоть один денек побудем вместе. По городу погуляем, ходим в тот же Исторический музей – сто лет там не была... Жаль, конечно!

Послезавтра Мария с театром уезжала на двухнедельные гастроли по Западной Европе. Звонок Петра отнял у них единственный день, который они могли бы провести вдвоем впервые за последние несколько месяцев.

...Утром к помпезно-модернистскому отелю со сплошь стеклянными, тонированными стенами и неоновой рекламой подрулил серый «Пежо», из которого вышли двое внушительного вида граждан средних лет. Перебросившись парой слов, они поднялись на высокое крыльцо с широченными ступеньками. Увидев направляющегося к ним швейцара в традиционной униформе, молча достали из-за пазухи служебные удостоверения. Тот, что повыше, который в «ксиве» значился как старший оперуполномоченный, полковник Лев Гуров, строго поинтересовался:

– Это вы здесь дежурили позавчера, когда нашли убитым Константина Вингрова?

– М-м-да-а-а... – захлопав глазами и в момент растеряв всю свою значительность, неуверенно протянул швейцар. – Но я в самом отеле не был. Знаю о случившемся лишь со слов очевидцев. Поэтому...

– А вы не напрягайтесь так уж сильно... – почти дружелюбно улыбнувшись, посоветовал другой опер – покоренастее и пошире, значившийся в «ксиве» как полковник Станислав Крячко. – Что вы сразу всполошились? Мы же у вас не выведываем служебные и государственные тайны. Скажите, в тот день никого из людей, кто по каким-то причинам бросился вам в глаза и запомнился чем-то необычным, не было?

– А вы думаете, что я в состоянии запомнить те сотни человек, что проживают в нашем отеле? – со скорбной укоризной покачал головой швейцар.

– Ну, приbedняться-то не стоит... – усмехнулся Гуров. – Так было что-то необычное или нет? Просьба – пока только просьба! – говорить предельно откровенно. Если в перспективе

вскроется, что вы не захотели нас правильно понять, боюсь, мы не сумеем по достоинству оценить вашу, так сказать, скромность.

Немного помявшись и поозиравшись, швейцар вполголоса сообщил:

– Был тут один парень. Сказал, что идет в гости к одной из постоялиц. Это певица, Анна Банакара. Ну, наверное, слышали – из новых да ранних. Ну... Дал сто баксов за то, чтобы я пропустил его, – у нас с пропускным режимом очень строго. Но горничная мне потом говорила, – я ее сразу же предупредил об этом госте – что он только к Банакаре и ходил. Можете проверить.

– А Банакара эта здесь? – уточнил Крячко. – И, кстати, сколько времени визитер у нее пробыл?

– Сейчас она отсыпается после концерта – выступала в каком-то крутом ночном клубе, – развел руками швейцар. – А тот перец был у нее часа два. Ну, как раз чтобы успеть и выпить, и оттянуться как следует. Она ведь уже не раз заявляла по телику, что ее главный принцип: ни дня без секса.

Станислав, не выдержав, громко фыркнул и покрутил головой.

– О, времена! Уже ни-ка-ких сдержек, никаких тормозов. Чем больше башню сорвало, тем считается круче.

– Больше ничего? – собираясь направиться к дверям, спросил Гуров.

– Даже не знаю, стоит ли об этом говорить?.. – пожал плечами швейцар. – М-м-м... Ну, просто дня три назад показалось, что одна из постоялиц для чего-то меняла свою внешность. Главное, зашла в гостиницу блондинкой, в таком... открытом наряде. Потом, часа три спустя, вроде бы она выходит – за это ручаться не берусь, но уже – брюнетка, в темном костюме строгого покроя, в темных очках... И я вот до сих пор так и не могу сообразить – одна и та же это была или разные?..

– А узнать при встрече могли бы? – уточнил Лев, быстро переглянувшись с Крячко.

– Н-не уверен... – виновато вздохнул. – С той поры я ее больше как бы и не видел. Может, она теперь какая-нибудь рыжая? Или вообще мужиком нарядилась? Но если увижу, постараюсь опознать... – пообещал он.

– Вот вам мой телефон, если что-то такое казуистическое попадет на глаза – звоните немедленно! – Гуров быстро написал номер своего телефона на листке блокнота. – Кстати, у вас же тут должны быть видеокамеры? – внимательно взглянул он на длинный широкий козырек, простирающийся над крыльцом.

– Да-да, вы правы! – обрадовался швейцар. – Но говорили, что видеозаписи забрали в райотдел полиции. Скорее всего, они сейчас там.

Краем глаза увидев через стеклянную стену чью-то тень, мелькнувшую в вестибюле, он поспешил к двери и распахнул ее перед молодцеватым вице-адмиралом в новенькой форме, с блестящими погонами. Разминувшись с моряком, опера вошли в вестибюль. При этом, как заметил Стас, Гуров едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

– Ты чего? – недоуменно покосился в его сторону Крячко.

– Да так, история одна вспомнилась... – махнул рукой Лев. – По-моему, я тебе о ней уже рассказывал. Это из баек про известных людей, как писатель Юрий Олеша перепутал адмирала со швейцаром.

– Что-то не припомню... – напряженно наморщил лоб Стас. – А он вообще какие книги написал, этот... Алеша или Алеша?

– Олеша! Самая известная его книга – сказка «Три толстяка». Блин, я же тебе уже рассказывал об этом! В общем, он вышел из ресторана, увидел мужика в форме и распорядился: «Швейцар, такси!» Тот оскорбился: «Я не швейцар, я – адмирал!» Олеша тут же нашелся: «Ну, тогда – катер!»

– А-а, точно! Было дело! – рассмеялся Крячко. – Но все равно прикольная история...

Они подошли к стойке администратора, ныне, с учетом «крутяцких» тенденций, чаще именуемой ресепшеном, и, показав документы, поинтересовались у миловидной особы, кто из обслуживающего персонала мог бы провести их по этажам гостиницы.

– Вы, наверное, по поводу убийства депутата Вингрова... – догадалась администратор. – Давайте приглашу горничную с третьего этажа. Это Фаина Лантухина. Она, кстати, и нашла убитого в его номере. Но помещение сейчас опечатано... Вам и туда надо зайти?

– Желательно... – усмехнулся Гуров.

– Девушка, мы из Главка угро, – снисходительно пояснил Станислав. – Для нас нет «нельзя» и «невозможно».

Дождавшись горничную – улыбчивую особу с недурными формами, они зашагали с ней к лестнице, высланной ковровой дорожкой. Фаина предлагала подняться на лифте, но опера на третий этаж предпочли пройти пешком.

– Пока что обходимся без костылей, – горделиво подчеркнул при этом Крячко.

Первым делом они проследовали к люксу в конце коридора, где проживала певица Анна Банакара. Постучав в дверь и услышав: «Кто там?!», Фаина осторожно заглянула внутрь и деликатно поинтересовалась:

– Аня, вас можно побеспокоить? Тут к вам представители угрозыска... Им войти можно?

– Если молодые и красивые – без пра-а-блем!.. – сонным голосом проговорила обительница номера.

Дверь приоткрылась пошире, и в коридор вышел молодой человек с чахлой мускулатурой, зато женственным макияжем, в наряде фасона «унисекс». Похлопав покрашенными ресницами (Стасу отчего-то в этот миг стало нехорошо), тот представился нарочито женственным голосом:

– Господа, я импресарио и финансовый директор госпожи Банакары – Эпионий Кастильтано. Она примет вас через пару минут. Ну, а пока, может быть, я смог бы ответить на какие-то ваши вопросы?

– Вы в этом отеле давно проживаете? – окинув его критически-изучающим взглядом, поинтересовался Гуров.

– Четыре дня... – томно закатил глаза Эпионий. – Здесь, знаете ли, особая аура...

– Ага!.. – согласился Крячко. – И дядечки кровавые в глазах... Что за фрукт был позавчера у твоей... м-м-м... патронессы?

– А-а-а!.. – изобразил интригующую улыбку импресарио, отчего Стаса слегка передернуло. – Да-да, Энн навелит ее давний поклонник, которого зовут Андрюша. Они... Ну, вы же понимаете, что любовь – материя тонкая, которая не знает ни мер, ни границ. Она всегда стремится реализовать свои устремления и выплеснуться...

– То есть у госпожи Банакары с неким Андреем было любовное свидание? – уточнил Лев. – Они постоянно находились в номере? Может, он куда-то отлучался? Кстати, Банакара – это ее настоящая фамилия или сценический псевдоним?

– По паспорту Энн – Зинаида Скакунова, – соединив кончики растопыренных пальцев, картинно потупился Эпионий. – Ну, а я, если это необходимо сообщить, – Геннадий Фабух. А Андрюша у Энн был около двух часов. Из номера он никуда не выходил.

– Вай-дите! – послышалось из-за его спины, и опера шагнули в комнату, обставленную весьма и весьма небедно.

– Мне здесь подождать? – робко поинтересовалась горничная.

– Да, мы ненадолго... – оглянувшись, кивнул Гуров.

– Ну, зачем же спешить? – окинув плотоядным взглядом его крепкую фигуру, промурлыкала певица, нарядившаяся «а-ля гейша». – Такие brutальные мужчины... Мы могли бы очень мило побеседовать. Что будете? Коньяк, вино, кофе?

– Ни то ни другое, – ответил Крячко. – Мы на работе, и времени у нас в обрез. Нам нужна информация о вашем знакомом Андрее – его адрес, телефон.

Разочарованно пожав плечами, Банакара-Скакунова сообщила, что места жительства Андрея не знает. С ним они познакомились три дня назад во время ее выступления в одном из концертных залов, а о свидании договорились по телефону. Достав из сумочки свою визитку, она написала на ее обратной стороне номер телефона и вручила Льву:

– Вот, пожалуйста... Кстати, мой номер на лицевой стороне. Если вас интересуют вопросы современного музыкального творчества, можете звонить в любое время – моя дверь для вас всегда открыта. И для вас тоже... – добавила она, достав еще одну визитку и всучив ее Станиславу.

Когда сыщики, задав ей для проформы пару не самых значащих вопросов, с внутренним облегчением покинули «будуар», его постоялица, недовольно взглянув на своего импресарио, капризно произнесла:

– Эпионий, больше не покупай мне эти дурацкие духи «Зов Афродиты»! Эти козлы в рекламе гарантировали, что их секс-феромоны сведут с ума любого мужика. А в реале что? Два таких брутала сорвались! Я уже прямо поплыла – надеялась, что организую с ними композицию на троих. И – на тебе! – полный облом. Слушай, ты помнишь вчерашнего гаишника, который нас остановил здесь на углу? Бери мою визитку и галопом туда. Что хочешь делай, но чтобы через час он был здесь!

Тем временем, шагая к номеру Вингрова, опера негромко обменивались впечатлениями о только что увиденном.

– ...Куда катится мир! – сокрушенно констатировал Крячко. – Еще лет десять назад я себе и представить не мог, чтобы женщина вела себя вот так... Вольнее – некуда. Пусть она и из богемы, но выставять себя конченной нимфоманкой – это уж слишком.

– Завершение процесса американизации нашего шоу-бизнеса, – иронично усмехнулся Лев. – Если когда-то признаком хорошего тона было соблюдение определенных приличий, то сегодня – все совсем наоборот. А дурной пример, сам знаешь, заразителен... Вот наши «звездуны» и «звездухи» следом за американцами тоже пытаются корчить из себя не пойми что.

– Между прочим, идеал Анны Банакары – американская певица Леди Гага, – вслушиваясь в их разговор, подтвердила Фаина. – Если вы обратили внимание, у нее в номере на видном месте висит ее портрет.

– Тю, ты, ешкин кот! – крутнул головой Стас. – А я все думал – что там за мымра у нее на стенке?! Уж не родственница ли? А тут – во-о-н оно что...

Войдя в номер Вингрова, опера внимательно огляделись. Как пояснила Фаина, пробраться в помещение со стороны окна – задача нереальная. Наружные стороны здания оборудованы датчиками, мгновенно фиксирующими криминальных «альпинистов». Входная дверь только одна, и пробраться каким-то иным путем в апартаменты можно, только просочившись через вентиляционную систему. Подойдя к дивану, горничная изобразила, где именно и как лежал найденный ею постоялец. Попросив Фаину пригласить пару понятых, сыщики осмотрели вещи, лежавшие в несессере и двух больших дорожных сумках.

Понятые – напарница Фаины и случайно оказавшийся поблизости известный теннисист, проживавший на этом же этаже, – с интересом наблюдали за происходящим. Следя за манипуляциями оперов, горничная сообщила, что проводившие осмотр вещей сотрудники райотдела забрали с собой все найденные документы, фотографии, а также носители информации – флешки и компакт-диски.

Перебирая костюмы, галстуки, рубашки, нижнее белье, приятели, к своей досаде, ничего интересного обнаружить не смогли. Лишь выложив все, что находилось в несессере, на самом его дне они увидели нечто весьма занятное. Это было подобие кулона, отлитого из бронзы

в форме лицевой части человеческого черепа, обрамленного с двух сторон шестью полусогнутыми мохнатыми паучьими ногами.

– О-го-го! – удивился Станислав, поднимая странный предмет за продетую в специально отлитую проушину бронзовую цепочку. – Слушай, стопудово зэкковская работа – явная кустарщина, но сработано мастерски.

– Это точно! – согласился Гуров, взяв в руки металлического «паука», и посмотрел на его «брюшко». – Эс пэ вэ... – прочитал он вслух, увидев буквы замысловатого фасона, выгравированные на гладкой золотистой поверхности.

– Свобода превыше всего... – кивнул Крячко. – Интересный момент. Он что, сидел? Только где и когда?

– А главное – за что и сколько... – чуть заметно улыбнулся Лев. – Не исключено, что в биографии Вингрова был и такой эпизод... Как ни верти, а это уже зацепка. И – хорошая зацепка! Прошу понятых обратить внимание – этот предмет мы изымаем как возможный вещдок, – объявил он.

Когда осмотр вещей был закончен, опера отпустили понятых и следом за ними тоже направились к выходу. Неожиданно Гуров остановился и, оглянувшись, спросил у Фаины:

– А после смерти Вингрова в соседних с этим номерах постояльцы не менялись?

– А, да! – кивнула та. – Вот, дверь напротив. Там дня четыре назад поселилась бизнес-леди... М-м-м... По-моему, ее звали Дания Заратдинова. Она – хозяйка сети бутиков, приехала из Казани за новыми моделями нарядов. А позавчера к концу дня отбыла домой. А что? Вы ее подозреваете?

– Ну, что вы! – изобразил великодушный жест Стас. – Нас она интересуется, прежде всего, как возможный свидетель. С ней, я надеюсь, наши коллеги побеседовали?

– Разумеется! Так же как и со всеми другими соседями Константина Аркадьевича, – охотно подтвердила Фаина.

Спустившись вниз, приятели направились к машине, намереваясь доехать до райотдела, чтобы забрать все необходимые материалы и вещдоки. Однако, когда они поднялись на крыльцо, неожиданно запиликал телефон Льва. Это опять был Орлов.

– Лева, как дела? Что-нибудь нашли? – как-то буднично спросил он, но Гуров сразу догадался – сейчас Петр сообщит нечто весьма неординарное.

– Да, кое-что есть... – небрежно обронил он, со значением взглянув на Стаса. – Но и у тебя, я так понял, есть что-то новенькое?

– Хм... К сожалению, имеется! Собирайтесь, мужики, и галопом на Краснофоминскую, шестьдесят один, где базируется театр спортивного танца «Айседора». Там еще один усопший, и тоже с «дамой пик» на лбу. Так что работы у вас прибавляется...

– Как сказать! – рассмеялся Лев. – Системность – это уже серьезная улика. Ладно, отбываем...

– Что, еще один жмурик? – выжидательно прищурился Крячко. – Ну и ну! Это уже явная серия...

Они сели в «Пежо», приглушенно рыкнул мотор, и машина помчалась в сторону юго-запада столицы.

Глава 2

В гламурно обставленном кабинете директора театра эротического танца «Айседора» (официально именующегося «театром спортивного танца») уже около часа сосредоточенно и немногословно работала опергруппа, изучающая обстоятельства смерти известного столичного продюсера. Его закоченевшее тело покоилось в кресле у журнального столика. Эдуард Капылин лежал навзничь, почти по диагонали, свесив на пол худые кривоватые ноги. Его лицо, как и у Константина Вингрова, изображало одновременно безграничный ужас и какую-то непонятную внутреннюю муку. Прилепленная ко лбу карта «дамы пик» придавала картине смерти какой-то издевательски-шутовской оттенок.

Помимо местных оперов и экспертов, над усопшим хлопотал и судмедэксперт главка Дроздов, который прибыл сюда минут пятнадцать назад. Прощупав отвердевшие мышцы тела покойника, он констатировал, что смерть наступила около двадцати трех вечера. То есть часов одиннадцать назад. Как и у трупа Вингрова, у Капылина тоже не было найдено абсолютно никаких признаков применения насилия.

– «Глухарь» полнейший... – только и смог досадливо проворчать Дроздов, снимая с рук тонкие хирургические перчатки.

Местные опера, обследовавшие каждый квадратный сантиметр пола и мебели, хмуро промолчали, но и так было ясно, что они того же мнения. Двое сотрудников угро в это время опрашивали как обслуживающий персонал театра, так и его, с позволения сказать, актеров. Но и здесь никто ничего дельного сообщить не смог – ни вахтер, ни технички, ни рабочий по сцене. Рабочий, хронически подпитый молодой мужчина, в ответ на все вопросы лишь недоуменно пожимал плечами. Да, он вчера здесь был. Да, видел босса последний раз около семи вечера живым и здоровым. И все! Потом Леха ушел домой, а что было дальше в этой «хрени-морковени» после его ухода – он не в курсах...

Вахтер, он же и охранник, – плотный мужичок среднего роста, дежуривший у входа в театр, тоже пребывал в недоумении. Вчера он дежурил до десяти, как и было оговорено в контракте, до конца сеанса. Когда зрительный зал, как всегда заполненный до предела, опустел, а следом отправились по домам и артисты, он собирался отзвониться в ОВО о постановке офиса на охрану, но «шеф» заявил, что спешить ни к чему, – он сам потом поставит на охрану.

– А он что, и раньше тут оставался допоздна? – уточнил допрашивавший старлей.

– Да, не так уж и редко, – пожал плечами вахтер. – Особенно, если новенькую принял. Тогда, считай, неделю подряд он ее тут на диване «репетировал».

– Вы хотите сказать, что он принуждал своих актрис к сожительству? – сурово прищурился опер.

– А чего их принуждать-то? Сюда в основном и шли только такие, что готовы были на любые условия, абы деньги платил...

Другой опер с лейтенантскими погонами в это время опрашивал танцоров и танцовщиц, бесцельно и растерянно блуждающих по зрительному залу и сцене. Пребывая в довольно подавленном состоянии, те тоже могли рассказать немного. Да, вчера все было как и всегда – «пятиминутка», репетиция, выступление. Когда уходили, Эдуард Янович был жив-здоров. Да, по слухам, он собирался провести «собеседование» с очередной претенденткой на место в резервном составе труппы. Но ее никто не видел – она находилась в его кабинете. Да, периодически как некоторые танцовщицы, так и некоторые из танцоров, имеющие определенные склонности, оставались после окончания сеанса, чтобы «порепетировать» с боссом в индивидуальном порядке. Но это было делом сугубо добровольным, и никто из состава к боссу претензий не имел. Некоторые, наоборот, даже обижались, если их слишком долго не приглашали на ночную «репетицию».

Уложив в саквояж свои инструменты, Дроздов направился к выходу, что-то по привычке бормоча себе под нос. На вопрос Льва, есть ли хоть что-то стоящее, он изобразил досадливую мину и отрицательно помотал головой. Приятели переглянулись – таинственный «мочила» остался верен себе, здесь тоже никаких следов. Они направились в зрительный зал, по площади немногим больше стандартного школьного спортзала, и, подойдя к лейтенанту, беседующему с очередной танцовщицей, поинтересовались предварительными итогами опроса.

– Да ничего дельного... – сокрушенно сообщил он. – У всех одно и то же – не видели, не знаем, претензий не имеем... Я уж и не знаю, есть ли смысл опрашивать остальных?

Пышноволосяя девица в спортивном костюме, услышав это, сразу же оживилась и поднялась с места, но после лаконичной реплики Льва, что в любом случае опросить нужно всех, снова опустилась на стул напротив лейтенанта. Устало проведя по лицу рукой, тот задал очередной вопрос, стараясь не смотреть на ее вызывающе роскошный бюст:

– А как вы считаете, ревность кого-то из труппы не могла стать причиной убийства?

– Ну, что-о-о вы! – изобразив укоризненную гримаску, отмахнулась девица. – У нас никто никого не ревнует. Здесь все как одна семья – кто понравился, тот и твой. Кстати, если бы вы работали у нас, то имели бы грандиозный успех.

– Это у кого же? – иронично улыбнулся лейтенант.

– У наших девочек, например. Видите, как они на вас смотрят? И у зрительниц тоже. Думаете, сюда приходят только мужчины? Если бы! Иной раз такие солидные дамы появляются... М-м-м! Сидят в первом ряду, глаз не отрывают со сцены. Вы были бы звездой первой величины... Так что рекомендую подумать.

– Нет уж, спасибо! – чуть поморщившись, покачал головой лейтенант. – Такая звездность мне ни к чему. Лучше я останусь при своих звездочках, – взглядом указал он на погоны.

Лев и Станислав, побеседовав с криминалистами, тоже осмотрели кабинет Капылина. Его единственное окно было занавешено шторами, раздвинув которые Гуров увидел фигурную кованую решетку, закрывающую его с наружной стороны. Кроме солидного двухтумбового канцелярского стола, журнального столика, дивана, стульев и кресел, в кабинете имелось несколько шкафов, сейф, большой аквариум, на стенах висело несколько картин, причем все как одна определенного содержания. В сравнении с изображенными на них сюжетами общеизвестная «Даная» Рембрандта могла бы смотреться как образец монастырского творчества.

На столе стоял раскрытый ноутбук, лежали какие-то конторские книги и обычные канцелярские прикрасы – степлер, вазочка с авторучками, письменный прибор старинного фасона, выточенный из камня, похожего на малахит, и тому подобное.

– Шкафы осматривали? – оглянувшись, поинтересовался Гуров.

– Да, в них ничего особенного. Сценические костюмы, документация, какие-то сувениры. В сейфе – печати, всякие учредительные документы, чековые книжки, миллиона полтора наличности в рублях, – откликнулся один из криминалистов. – В ящиках стола – тоже какой-то хлам, бумаги...

Стас неспешно подошел к левой тумбе стола и один за другим выдвинул и задвинул ящики. Лев тоже подошел к столу и просмотрел ящики правой тумбы. В них и в самом деле было мало интересного – запасные «пальчиковые» и «мизинчиковые» аккумуляторы, зарядные устройства для телефонов и иных гаджетов, технические паспорта на всевозможную электронику, соединительные шнуры, елочные игрушки... Заглянув в последний, самый нижний ящик, Гуров перевернул лежавшие в нем курительные трубки, самых необычных форм и размеров, сработанные из разных материалов – дерева, кости, металла, камня. Неожиданно глаз схватил что-то удивительно знакомое. Лев присмотрелся. Сомнений быть не могло – точно такой же, как и у Вингрова, череп-паук на цепочке. Он достал эту странную вещицу – то ли амулет, то ли украшение – и держа на весу за цепочку, показал Стасу. Тот, удивленно воззрившись на находку, негромко присвистнул.

Оказавшийся рядом криминалист понимающе кивнул:

– Да, тоже видел этого «паука». Но, думаю, он тут лежит давно и к убийце вряд ли имеет какое-то отношение. Кстати, такую хрень одно время мастрячили на одной из чернореченских зон. Это у тамошних эков было знаком особого отличия – «паука» носили всякие там «отрицалы», «положенцы»... Но воры в законе на своем сходняке такую символику забраковали, и мода на нее вскоре сошла на нет.

– Так, так, та-а-к... – задумчиво проговорил Гуров. – А откуда у вас такая интересная информация?

– Лет пять назад на улице Госпитальной бандит смертельно ранил прохожего. Но тот ухитрился вырвать нож и ему самому нанести серьезное ранение. Бандюгу нашли истекающим кровью рядом с его жертвой – тот мужик уже скончался. И вот у него-то я и увидел такую побрякушку. Поскольку срок ему светил очень большой, он начал откровенничать, даже дал информацию о некоторых других происшествиях, благодаря чему нам удалось задержать двоих опасных отмороzków. Заодно рассказал и о том, что означает череп-паук.

– Сколько ж ему дали? – поинтересовался Крячко.

– Десять лет «строгача», хотя светило семнадцать. Но отсидел он только три года. Видимо, где-то что-то просочилось, и его нашли на пустом складе с заточкой в сердце. А вы тоже где-то видели такую штуковину?

– Да, в вещах убитого позавчера в гостинице «Онтарио» предпринимателя и депутата Константина Вингрова, – пояснил Лев. – У него тоже на лбу красовалась «дама пик». М-да... Выходит, между этими двоими была какая-то очень тесная взаимосвязь. Но какая?

Когда работа по поиску следов и улик была закончена, а упакованного в пластиковый мешок усопшего увезли в морг, когда был закончен опрос трупы и обслуживающего персонала (последними опросили гримершу и костюмершу – пожилых флегматичных теток, которые на работу обычно приходили после обеда), Гуров объявил, что все на этот день свободны. Причем на неопределенный срок. По его словам, пока не совсем понятны вопросы с собственниками имущества, его наследованием и прочей правовой казуистикой, помещение будет опечатано.

– Ну, тогда хотя бы дайте нам время собрать свои вещи... – хмуро произнес длинноволосый парень, чем-то похожий на грузина. – Вдруг нас сюда потом совсем не пустят? А у меня здесь костюмы, книги, ноутбук...

Опера райотдела вопросительно посмотрели на Гурова – он-то что думает? Окинув взглядом трупку и театральную обслугу, которая, притихнув, настороженно ждала его ответа, Лев махнул рукой:

– Пятнадцать минут на сборы! Время пошло!

Воспрянувшие духом танцовщики и танцовщицы бросились в свои гримерки. Поспешила в бытовки и обслуга. Первой собралась гримерша. Подойдя к Гурову, она показала ему какую-то большую лакированную деревянную коробку и объявила:

– Это мои собственные принадлежности, я покупала все за свои деньги. Можно их забрать?

Лев кивнул, лишь мельком взглянув в ее сторону.

Прочие, поняв, что этот начальник вовсе не жлоб, складывали все, что попадется, в сумки и направлялись к выходу.

– А вам не кажется, что эти сборы плавно перетекли в мародерство? – осторожно поинтересовался капитан, старший местной опергруппы.

– Не кажется, – негромко рассмеялся Гуров. – Я это знал с самого начала. Но давайте рассудим здраво. Эти люди теперь едва ли получают жалованье за последний месяц – кто его выдаст и на основании каких документов? Разве что только через суд, который вынесет решение в их пользу. Если у Капылина нет ни деловых партнеров, ни наследников, то куда все это

денется? Рано или поздно бомжи растащат или выкинет на помойку собственник помещения. Так что пусть берут.

Менее чем через четверть часа помещение театра полностью опустело. Позже всех из бытовки с большой сумкой вышла та самая пышноволосяя танцовщица, которая предлагала оперу перейти на работу в их театр. Растерянно оглядевшись, она недоуменно воскликнула:

– Эй, люди! Это что, все уже смылись? Ну, ничего себе! И как же я теперь попрусь с этой сумярой?! Может, кто выручит? Эй, лейтенант, ты на колесах? Не подбросишь до дому всеми забытую и покинутую? Я тут совсем недалеко живу. Ну, сделай доброе дело! Зайдем ко мне – чаем угощу. Ну как, поможешь?

Молодой опер, осторожно покосившись в сторону Льва, чуть конфузливо обронил вполголоса:

– Ну, поехали, поехали! Подброшу... Давай донесу!

Он взял из ее руки сумку, и они направились к выходу. Внимательно наблюдая за этой сценой, Стас коротко хохотнул:

– Ну, черт в юбке! Разыграла – как по нотам. Специально ведь собиралась дольше всех, чтобы пацана захомутать. Да-а-а... Попал «летеха» в переплет, как муха на медовую липучку. Правильно говорят – если в большинство баб обязательно заложена изюминка, то в такую сразу – целая пригоршня. Блин! Я бы и то не устоял...

Теперь рассмеялся Гуров.

– «Я бы и то не устоял»... – иронично повторил он. – Да ты бы не устоял в любом случае! Уж кому лапшу-то вешаешь на уши? Ладно, давай отчаливать. Забираем все, что мужики здесь наработали, и едем за материалами по Вингрову.

– Слушай... А что, если по поводу этой «богадельни» порасспрашивать местных аборигенов? – шагая к выходу, неожиданно предложил Крячко. – Конечно, это может быть и пустая трата времени, но вдруг удастся узнать и что-то дельное? Согласись, не исключен ведь и вариант того, что в здешних краях завелся некий «Робин Гуд» с моралистскими закидонами. Ну, эдакий самодеятельный борец со всемирным злом в лице мерзкого, растленного лицемера Вингрова, а также порнографа и развратника Капылина. А? Как думаешь?

– Вообще-то мысль дельная... – согласился Лев. – Попробовать стоит.

Обрадованный тем, что приятель его предложение с ходу одобрил, Стас, выйдя на крыльцо, указал на заседающую в отдалении компанию бабулек, о чем-то судачащих подле детской площадки.

– Смотри-ка! – обрадованно отметил он. – Прямо как по заказу. Ну, что, побеседуем со здешним «политбюро»?

«Синклит блюстительниц общественной морали» появление крепких, плечистых мужчин воспринял вначале довольно-таки настороженно. Даже предъявленные удостоверения не сразу растопили ледок недоверия. Но завязавшийся разговор постепенно сменил настороженность на откровенную задушевность. Уверившись, что эти двое – «правильные мужики», которые «с бандюганам дружку не водят», бабули рассказали много чего интересного.

По их словам, театр Капылина обосновался здесь три года назад. До этого первый этаж занимал хозяйственный магазин. Но дела у хозяина шли не очень хорошо, и он переместился в другой район. Затем в этом помещении появилась швейная мастерская, где денно и ночью трудилась бригада вьетнамцев. Грохот швейных машин, не умолкавший круглосуточно, довел жильцов до белого каления. По их коллективному письму нагрянули миграционщики, которые установили, что работали в швейном цехе почти одни нелегалы. Цех тут же прикрыли, и вскоре у входной двери появилась табличка, извещающая о том, что это – театр-студия спортивного танца «Айседора».

– ...Мне сразу почему-то подумалось, что здесь что-то нечисто! – включилась в разговор бабуля интеллигентной наружности – скорее всего, бывшая школьная учительница. – Я же

прекрасно знаю, кто она была, эта Айседора Дункан, – распущенная американка, насаждавшая порнографию в искусстве. А потом слышу – действительно, это заведение с настоящим искусством не имеет ничего общего.

– Внучка моя, Танюша, видела, что там творится, – решительно свернув узелок с вязанием, заговорила ее соседка. – Она сейчас на медсестру учится, а тогда хотела в актерки пойти. В училище поступить не получилось, и она надумала сходить в эту «Айседуру» (услышав про «Айседуру», все громко рассмеялись). Зашла, а там молодежи – парней и девчонок, больше двадцати человек. Какая-то балетница, крикливая и злая, плясать их учит. Узнала, что Таня к ним – послала к ихнему директору. А этот прохвост в своем кабинете – хватя ее за руку, повел к дивану и приказывает раздеться. Мол, а как ты хотела? У нас всех только так и принимают. И уже руки распускать начал. Ну, внучка моя ему сразу сказала: только тронь! Отец – военный, на Кавказе служил, он тебя по стенке размажет. Сразу руки убрал! Говорит, ну, иди, пробуй, если у тебя что получится. Она снова в зал зашла, а там!.. Все эти уже на сцене всю пляшут. И как пляшут-то?! В таких вот сорочечках капроновых, по это самое место, а под ними – вообще ничего! И вот они в таком похабном виде на сцене ноги выше головы задирают. Таня как увидела это, ей сразу тошно сделалось. Повернулась и ушла.

– Ой, да-а-а! До чего же там у них отвратительные постановки! – снова заговорила бывшая учительница. – Вот название их спектакля: «Восхождение к звездам». Как будто ничего плохого нет. А потом одна знакомая рассказала мне – она любопытства ради решила сходить, посмотреть. Не досидела и до середины. Ну, это же настоящий Содом и Гоморра. Какого-то внятного, связного сюжета не просматривается. Какая-то «Золушка» мечтает вознестись к звездам. Она с одной стороны сцены, а ее «Принц» – с другой. Парой слов обменялись – на сцене начинается пляска. И, как правильно сказала Валентина Фоминична, пляшут без исподнего. Весь срам – напоказ. Еще пару слов сказали – строят «пирамиду», причем именно с тем расчетом, чтобы – опять-таки! – все было напоказ. Ну, она поднялась и ушла. Да и другие тоже уходили.

– А, это ты про Зою... – закивала бабулька в летней шляпе с широкими полями. – Ну, она человек зрелый, женщина серьезная. А молодежь-то туда как ходила, так и ходит! Мой внук прямо дожидаться не мог, когда ему стукнет восемнадцать – молодежь-то туда не пускают. И вот в день своего рождения целой компанией пошли на ихнее представление. Вечером вернулись, в его комнате заперлись, сидят там и гогочут. А потом гляжу, чуть деньги завелись – он опять туда спешит. Нервный стал, агрессивный. На каждое слово грубит, огрызается. И кто только позволяет твориться такому безобразию?

– Вы говорите – молодые. Там и пожилых хватает! – саркастично рассмеялась еще одна из бабулек. – Идет как-то одна – за семьдесят, не меньше. Глаза вуалькой прикрыла, делает вид, что никого не замечает. Говорю ей: «Женщина! В нашем возрасте о душе уже надо бы думать и в церковь ходить, а не на эту содомщину». А она в ответ: «Вы ничего не понимаете в современном искусстве! Этот театр признан на Западе как самый прогрессивный и продвинутый!» Дедок, гляжу, бежит – тоже под восемьдесят, глаза – как у кобеля блудливого...

Кто-то припомнил, что год назад в «Айседору» и в самом деле приезжали иностранцы. Вроде бы очень хвалили театр, директору вручили какой-то диплом, даже обещали пригласить к себе на гастроли.

– А, кстати, что там у них произошло? – поинтересовалась бывшая учительница. – Милиция... то есть полиция с утра что-то ищет. «Скорая» зачем-то приезжала.

Услышав о смерти Капылина, все разом притихли и переглянулись.

– Нас очень интересует, не грозился ли кто-нибудь из здешних жителей расправиться с этим, пусть и неправедным, но – никуда не денешься – человеком? – в нескольких словах обрисовав ситуацию, вопросительно посмотрел на своих собеседниц Лев.

После почти минутного молчания бабулька с вязанием категорично рубанула рукой:

– Прости меня, господи, за эти слова, но такого сквернавца мне ни капельки не жаль. Не жаль! Он получил то, что заслужил. Потому что то, что он там творил, было угождением бесам. Смертью ему никто не грозил. Иные мужики, наоборот, даже рады были, что он устроил тут свой вертеп. Мы вот, конечно, хорошей палкой его отходячили бы, как полагается. Ну, а уж убивать-то, понятное дело, грех. Да и силы у нас какие? Так что даже не знаю, кто мог его так «приголубить». Тут уж, скорее всего, кто-то из тамошних, из своих.

Включившись в разговор, Станислав уточнил, не видел ли кто-нибудь вчера незнакомую молодую женщину, которая могла прийти в «Айседору» между семью и десятью вечера. Бабульки в ответ лишь руками развели – на вчерашний спектакль пришло без малого две сотни человек. Как угадаешь, кто из «молодых да интересных» пришел лишь для того, чтобы поглазеть на голозадое действо, а кто – чтобы расправиться с его организатором?

– Знаете, в этом смысле большие сомнения у меня вызывает их «балерунья», которая проводит репетиции, – вновь заговорила бывшая учительница. – Зоя как-то говорила, что та особа однажды уже пыталась отобрать театр у хозяина, но у нее ничего не получилось – у этого типа все и везде было схвачено.

– Ну, а что ж он ее не выгнал-то? – заинтересовался Лев.

– А что он без нее может? – рассмеялась женщина. – Только с девками в своем кабинета развратничать. А она все-таки какая ни стерва, а говорят, одно время даже в Большом работала. К тому же, кроме нее, сюда больше никто и не рвался. Погавкались-погавкались, да так и остались каждый при своем. Но, думаю, от своих умыслов она не отказалась. Не-е-е-т! Уж такая «штучка» – о-го-го!

– Между прочим, ее сегодня почему-то не было. Странно, что ни говори... – вполголоса заметил Крячко.

Опера поблагодарили женщин и направились к своей машине. Порывшись в бумагах, изъятых в кабинете Капылина, они нашли домашний адрес и номер телефона хореографа театра «Айседора» Виллины Атапиной. Гуров набрал ее номер на своем сотовом, однако после первого гудка вызова связь отчего-то оборвалась, словно кто-то специально отключил. Повторная попытка дозвониться закончилась тем же. Приятели переглянулись.

– Ну, и что будем делать? – глядя перед собой через лобовое стекло, риторически спросил Станислав.

– На мой взгляд, съездить к ней нужно в любом случае... – запуская двигатель, задумчиво произнес Гуров. – Мало ли что могло случиться? Вдруг и на нее открылась охота?

Он включил передачу, и «Пежо» помчался по улице в сторону Бульварного кольца. Станислав, поворочавшись в кресле, неожиданно констатировал:

– Да, похоже, я – закоренелый, неисправимый грешник...

– Чего-чего? – недоуменно покосился в его сторону Лев. – Ты о чем это?

– Знаешь, Лев, поговорили мы с этими женщинами, и вот мне сейчас подумалось: да, они, конечно, правы, нравственность – превыше всего. Ну, а вот я, конкретный индивидуум, божьей милостью Станислав Крячко, если честно и откровенно, то в душе и близко не ощущаю возмущения по поводу аморалки, устраивавшейся в этой самой «Айседоре». Да! Представь себе! Слушаю я этих теток, а в душе жалею, что самому не довелось побывать на представлении этого театра. Вот, думай обо мне, что хочешь, а я с удовольствием поглазел бы на молодых, красивых, стройных девчонок, со всеми их естественными подробностями. Но политеса ради я обязан орать на каждом углу: «Я это осужда-а-ю! Это мерзко и отврати-и-тельно!..» Как ты это оцениваешь?

Не отрываясь от дороги, Гуров негромко засмеялся и покачал головой.

– Ну, я тебе уже не раз говорил, что подобное свойственно всем людям. Повторюсь еще раз, в нас два начала – от Творца и от обезьяны. И в зависимости от того, что взяло в душе

верх, ты и будешь реагировать на окружающее... Кстати, что-то давно не слышал про твою писательницу Елену. Как у вас с ней?

– Да никак... – досадливо поморщился Крячко. – Она недавно уехала в Америку на какие-то встречи со своими тамошними почитателями. Ну, и зависла там, как бы не навсегда. Встретила своего бывшего одноклассника – у того в Америке бизнес, вилла у моря, «Порше»... Вот и сообщила мне, что, мол, можешь жить на моей жилплощади, а я в России буду не скоро. Ну, а зачем мне ее квартира? Я же не бездомный. Сказал, что ключи передаю ее сестре – она в Серпухове обитает, за коммуналку отдал на два месяца вперед, ну а дальше – пусть сама думает, что хочет.

– Что же это у вас так нескладно все получилось? – удивленно посмотрел на приятеля Лев. – Я впервые об этом от тебя слышу.

– Да сам я во всем виноват, – горестно вздохнул Стас. – Уже в который раз наступаю на одни и те же грабли. Она еще до своей поездки как-то заикнулась о нашем будущем. Вроде того, давно мечтает о ребенке и хотела бы родить именно от меня... А я чего-то замаялся, засомневался. Теперь вот жалею...

– А жалеть зачем? – пожал плечами Гуров. – Жалеть ни о чем не надо. Значит, так и должно было случиться. С кем же ты теперь?

– Да ни с кем. Как Елена уехала, так вот и болтаюсь один... – Крячко, словно избавляясь от какого-то наваждения, потряс головой.

– Ну, вот и ответ на все твои душевные сомнения, – понимающе улыбнулся Лев. – Как говорили на лекциях по диамату: бытие определяет сознание. Голодному – и корка за лакомство, а сытому – и мед или горчит, или слишком приторный. Так что успокойся, оголодалый ты наш. Как только твоя личная жизнь войдет в нормальное, естественное русло, ты тут же станешь высокоморальным и нравственно стойким.

Они подъехали к шестиэтажному дому старой постройки, сложенному из светло-коричневого камня, отчего он казался громадной, хорошо пропеченной буханкой пшеничного хлеба. Подойдя к крайнему подъезду, набрали на домофоне номер квартиры Виллины Атапиной и после череды гудков услышали усталый, но приятный женский голос:

– Да, слушаю...

Поздоровавшись, Гуров представился и сообщил о том, что хотел бы задать ей несколько вопросов по поводу Эдуарда Капылина. Немного подумав, женщина ответила лаконичным:

– Входите.

Опера поднялись на четвертый этаж и позвонили в дверь с блестящим никелированным номером «двенадцать». Дверь открылась, и они увидели перед собой молодую, стройную женщину, где-то под сорок. Показав свои удостоверения, приятели вошли в неплохо обставленную, просторную прихожую. Гостиная, куда они прошли вслед за хозяйкой, тоже была обставлена весьма недурно. Сев на стулья с мягкой обивкой, очень напоминающие те знаменитые полукресла мастера Гамбса, за которыми охотились Остап Бендер и Киса Воробьянинов, и приняв от хозяйки по чашечке кофе, опера задали ей свой главный вопрос: в курсе ли она о случившемся с Эдуардом Капылиным и знает ли о причинах происшедшего?

Искренне удивившись, Виллина лишь недоуменно пожала плечами:

– О его смерти слышу впервые. Но, честно говоря, я этому не очень удивляюсь. Я всегда чувствовала, что кончит он плохо...

По словам Виллины, несколько лет назад оставшись без работы, она занималась репетиторством в богатых семьях, надеявшихся вырастить из своих дочерей звезд балета. С Капылиным ее познакомил подруга, с которой у того был мимолетный романчик. Как раз в это время Виллина в очередной раз осталась без места и поэтому охотно согласилась на его предложение стать хореографом танцевальной труппы в «Айседоре».

– А что за причина такой частой смены мест работы? – как бы между делом поинтересовался Гуров.

– Наверное, потому, что с годами стала завзятой стервой... – Атапина произнесла эти слова совершенно спокойно, как если бы речь шла о каком-то пустячке. – А какой еще может быть женщина, которой уже сорок и у которой никаких перспектив устроить личную жизнь? Да что об этом рассуждать-то? Ну, вот пример... У последних моих нанимателей я занималась с их малышкой. Девочка чудная – милая, подвижная. Но у нее – ноль балетных дарований. К тому же она и сама терпеть не могла балет, а очень любила рисовать. Ну, я и ляпнула ее мамочке напрямую: «Что вы мучаете ребенка? Пусть рисует! Может быть, она станет второй Марией Башкирцевой или Анжеликой Кауфман». Она: «Ах, вон ты чего?! Ты считаешь мою дочь бездарностью? Убирайся!..» Я и из Большого-то, где проработала около года, ушла из-за своего характера. С одним «звездюком» повздорила. Ну, мне сразу же – выметайся! У нас и с Эдькой тоже постоянно искрило...

– А с ним-то из-за чего? – с интересом слушая ее повествование, спросил Станислав.

– Не к месту лез со своими советами. Он в хореографии понимал, как баран в Библии, а туда же – делай так, делай эдак... Но я с ним не церемонилась. Посылала прямым текстом в известном направлении, и он тут же испарялся.

– А как вы вообще относитесь к тому, что у вас... м-м-м... артисты выступают без нижнего белья? – Лев постарался свой вопрос сформулировать как можно деликатнее.

– Нормально отношусь, как и к любой нагоде, – ни капельки не смутившись, чуть заметно усмехнулась Виллина. – Как сказал Гете, под нашей одеждой мы голые. Тем более что по своим убеждениям я – нудистка, и если бы вы не были, как это называют в нашей среде, «текстильщиками», я осталась бы перед вами в том виде, в котором и предпочитаю находиться дома. Эти тряпки я надела на себя исключительно из уважения к гостям.

– Но ведь ваши постановки можно достаточно определенно назвать порнографией... – не сдавался Гуров.

– Да?! А, по-моему, порнография – это когда «поп-звезда», а точнее – шизанутая бездарность, именующая себя Мадонной, выступая пусть даже и в трусах, во время исполнения песни начинает прилюдно самоудовлетворяться, невзирая на то что среди ее зрителей полно несовершеннолетних. А у нас что? Да, обнаженка. Но она, можете со мной не соглашаться, очень целомудренная. Да! И вход к нам строго с восемнадцати лет. Кроме того, у нас на сцене нет даже намека на интимные отношения. Мы с Эдькой именно из-за этого часто и собачились. Он настаивал на том, чтобы наши мальчики и девочки хотя бы условно начинали изображать соитие. А я на это не шла.

– Зато он это самое соитие постоянно практиковал в своем кабинете... – Стас поморщился. – Вас это не возмущало?

– Возмущало, – нахмурилась Виллина. – Но... Видите ли, немалая часть наших актрис – будем говорить прямо – прошли через панель на Тверской. Горькая реальность нынешней поры. С этими девчонками – причем в порядке добровольном – он, так сказать, и реализовывал обычно свое «право босса». Но если кто-то из них жаловался мне на его притязания, я ему вешала хороших звиздюлей, и он тут же делался шелковым. А «непанельных» он вообще трогать не смел, потому что знал – это плохо для него кончится.

– Хм... – в этом междометии Гурова звучало явное сомнение. – Но вот как рассказала одна из ваших танцовщиц, труппа была, по ее словам, «как одна семья», и все там, мягко говоря, «общались» со всеми.

– А, это, наверное, такая светленькая, курносая? Вот, зараза! – Атапина внезапно расцвела доброй улыбкой: – Катюшка Топоркова, балаболка хренова! Любит корчить из себя «оторви да выбрось». Вы не поверите, но на самом деле она – самая скромная и застенчивая. Когда первый раз надо было выходить на сцену, уперлась всеми четырьмя – ей, видите ли, вдруг стало

стыдно. Чуть не сорвала постановку. Она когда-то пережила несчастную любовь, поэтому ее я всегда жалела больше всех.

Опера молча переглянулись. Они уже поняли, что Виллина к смерти Капылина никакого отношения не имеет. Его убил тот же, кто убил и Вингрова, – человек, скорее всего, из их общего прошлого.

Отвечая на вопрос Льва о конфликте с Капылиным из-за собственности, Виллина пояснила, что какой-либо собственности в «Айседоре», по сути, не было и нет. Помещение театра арендованное, у него есть конкретный собственник – банк «Магнат-супер». Разве что сценические костюмы и прочее оборудование? Как оказалось, Атапина хотела лишь добиться права считаться соучредителем театра, поскольку Капылин занимался только улаживанием вопросов с местной управой, полицией, пожарными и прочими службами. А вот все остальное – от творческих разработок до бумажной волокиты – лежало на ней. В том числе и бухгалтерия.

Минувшим вечером в театре все было как и всегда. Сначала разминка, потом репетиция, потом выступление. Постановка прошла без сучка и задоринки. Труппа отплясала положенное под аплодисменты, стоны и охи зрителей, особо остро реагирующих на те или иные слишком уж откровенные «па». Когда публика разошлась под присмотром охранника, бывшего спецназовца Лени, артисты на своем транспорте разъехались по домам. Леню специально наняли после того, как одну из танцовщиц едва не увезли слишком уж темпераментные поклонники из каких-то южных краев.

Собираясь уходить домой, Виллина хотела было зайти к Капылину, чтобы поставить вопрос о ремонте сцены – в одном месте стала проседать доска, что во время выступления запросто могло привести к вывиху, а то и перелому чьих-то рук или ног, но кабинет оказался заперт. На ее стук Эдуард вышел в коридор и тут же поспешил закрыть за собой дверь. Узнав о необходимости поиска хорошего плотника, он, как это бывало и раньше, тут же запричитал, что завтра будет предельно занят, давая понять, чтобы сценой занялась она сама. После этого Атапина уехала домой, и что было дальше – не знает вообще.

– Да, не-е-т... – категорично помотала она головой. – В нашем театре искать убийцу смысла никакого, только зря время потеряете. Это дело рук той особы, что была в его кабинете. Сто процентов – убила она. Все-таки зря он мне ее не показал. Глядишь, и жив бы остался...

– Ну, а что теперь будете делать дальше? – в какой-то мере проникшись сочувствием к своей собеседнице, спросил Крячко.

– Да хрен его знает... – удрученно развела она руками. – Конечно, театру определено – капут. Таких связей, как у Эдьки, у меня и близко нет. А без связей сейчас не выжить. Сейчас, главное, найти хорошего адвоката, чтобы отсудить у театра деньги и всем нашим дать выходное пособие. Да и мне самой оно не помешало бы. Да-а... Теперь, если закроемся, очень многим из девчонок придется опять возвращаться на Тверскую, на Ярославку... Растуды т-твою налево!..

– А почему бы вам на базе «Айседоры» не организовать обычный, нормальный театр классического балета? – о чем-то напряженно размышляя, как бы вскользь обронил Гуров.

– Святая простота-а-а! – укоризненно покачала головой Атапина. – Он думает, что это так просто... Если бы этот наш гребаный, продажный суд год назад признал меня соучредителем театра, я бы не имела и половины нынешнего геморроя. А теперь – как узаконить свои права? Второе. Да, с точки зрения тамошних дворовых бабок, мы были средоточием разврата. В мою сторону не плевал только ленивый. Но зато в эту столичную глухомань каждый вечер собиралось две сотни, а то и больше зрителей, при цене билета от «рубля» до трех и выше. Кстати, места распродавались иной раз на месяц вперед. Это позволяло платить откаты всей свистобратии – и чинушам, и уголовникам да и вашим коллегам тоже. Труппа получала ежемесячно от сорока и выше. Плюс – хорошие премиальные. А будет обычный балет – зрителей придут единицы. Да и цену придется снижать до копеек. Чем тем же ментам дань платить?

Девчонок класть под них? Нам, кстати, это предлагали. Эдька сразу согласился, а я их послала. Так эти козлы за несогласие свою таксу накрутили вдвое. Нет, если хотя бы с ментами вопрос уладить поможете – я подумаю. Трупку жалко... Как бы там ни было, кто бы и откуда к нам ни пришел, но большинство – уж поверьте! – настоящие таланты. Кстати, может, еще кофейку?

Опера снова переглянулись – пора было откланиваться.

– Спасибо, но мы, похоже, уже и так засиделись. – Лев поднялся из-за стола. – Дам вам свой телефон, и если хоть одна зараза посмеет даже пикнуть насчет отката, я эту скотину так «откачу», что мало не покажется.

– Точно, точно! Оформляйтесь, – тоже поднимаясь из-за стола, кивнул Крячко. – Поддержим – с «откатчиков» снимем не только погоны, но и шкуру.

Они направились в прихожую. Виллина, вышедшая их проводить, задумчиво философствовала:

– Вот вы говорите – «классический балет»... Это если в современном понимании. А в изначальном, восточном варианте, еще со времен Шумера, Ассирии, Вавилона и Иудеи, времен культа богини Астарты... Вы о ней слышали? Так вот, тот классический балет по откровенности был покруче нашего. Это был танец похоти, оболыщения и соращения. Вы думаете, на библейской Саломее, плясавшей перед Иродом, кроме юбки было что-то еще? Иначе чем можно объяснить, что у мужика после ее пляски снесло башню, и он даже согласился казнить Крестителя? Кстати, Эдька и хотел назвать наш театр «Саломея», но я воспротивилась. Я, конечно, не святая, но и это – совсем уж никуда. «Айседора» – это мой вариант. Ну, это я так, к общему сведению...

Надев туфли, Гуров выпрямился и, оглянувшись, с хитрой улыбкой сдержанно отметил:

– Знаете, Виллина Алексеевна, мне почему-то подумалось, что, назвавшись стервой, вы себя явно переоценили. Похоже, вы все-таки в большей степени Виллина. И не надо претендовать на лавры знаменитых сказочных стерв Гингема и Багинды. Желаю удачи!

– Солидарен! – подмигнув, вскинул левую руку, сжатую в кулак, Крячко.

Выруливая на проспект и чуть покосившись в сторону Стаса, Лев негромко спросил:

– Ну, и что думаешь теперь об этом?

Тот неопределенно хмыкнул и пожал плечами.

– По поводу убийства? Наверняка Виллина права – убила Капылина та загадочная дама, с которой он уединялся в кабинете... А-а-а! Ты о театре?! Ну, а что тут думать? Люди выживают. Пусть и не совсем обычным способом. Кстати! Странный момент. Когда ехали сюда, какого-либо сочувствия к театру я не ощущал, хотя на спектакль попасть хотелось.

– А теперь?

– Все совсем наоборот. К этой бесштанной компании отчего-то пробудилось сочувствие. А вот идти на их постановки расхотелось начисто...

Глава 3

Прибыв в Главк, Лев и Станислав сразу отправились к Петру. По пути к своей «конторе» они завернули сначала в райотдел микрорайона, где забрали материалы по убийству Вингорова, а потом, ощутив недвусмысленные намеки своего организма насчет того, что неплохо бы и подкрепиться, завернули в кафе. Там-то их и застал звонок Орлова.

– Ну, что у вас? – с нотками нетерпения поинтересовался генерал.

– И так и эдак... – отправляя в рот очередную порцию капустного салата с креветками, маловразумительно известил Гуров.

– А поточнее можно? – продолжал напирать Петр.

– Не-а... – еще односложнее ответил Лев.

– Чего это ты там мямлишь? Пообедать, что ль, надумали со Стасом? – уже начиная сердиться, строго спросил генерал.

– Угу...

– Могли бы и после доклада перекусить! – недовольно фыркнул Орлов. – Есть много вредно – портит фигуру.

– На свое пузо глянь... – прожевав, с убийственной невозмутимостью посоветовал Лев.

– Вот черти непробиваемые! – не на шутку рассердившись, генерал бросил трубку.

И вот они, наконец-то, прибыли в свой, как иногда называл его Гуров, «альма-патер». Когда приятели вошли в приемную, то обнаружили невероятную картину – секретарша Верочка работала! Вместо того чтобы обсуждать с приятельницами последние тенденции моды и столичные сплетни, она набирала какой-то текст на компьютере, проворно стуча кончиками пальчиков по клавиатуре. Изобразив безграничное изумление, опера демонстративно воззрилась в ее сторону, замерев на полпути к двери генеральского кабинета. Поймав нацеленные в ее сторону взгляды, Верочка неожиданно рассмеялась:

– Это вы так рассердили Петра Николаевича? Полчаса назад тут такое было! Он выбежал в приемную и прямо в лоб спрашивает: «У меня, что, и вправду толстое пузо?!» А с самого аж искры сыплются! Потом пошел по отделам. Там всем «чертей дал». Вернулся в приемную, меня отчихвостил за то, что не успела подготовить текст его доклада на коллегии в министерстве... Ой, гром и молния! Вы уж больше так его не расстраивайте, а то он весь Главк по кирпичику разнесет...

– О-го-го!.. – негромко присвистнул Стас. – А может, пока не пойдем к нему? Пусть остынет.

– Думаешь? – Гуров с сомнением прищурился, покосившись в его сторону.

Но в этот момент дверь кабинета резко распахнулась, и в приемную выглянул взъерошенный генерал Орлов. Окинув приятелей свирепым взглядом, он с ликующим злорадством прорычал:

– Ага-а-а, вот они, «жертвы голодающего Поволжья»! Ну, и чего топчетесь? Милости прошу! Послушаем, послушаем, чего там наши «великие Пинкертоны» накопили!

Войдя в кабинет и рассевшись в креслах, опера с умильно-ироничной улыбочкой воззрилась в сторону своего начальника, пребывающего в состоянии, близком к тому, в каком, наверное, пребывает всякий уважающий себя вулкан, намеревающийся разразиться мощным извержением. После минутного молчания, вовремя поняв, что этих двоих и в самом деле ничем не пронять, в том числе и запредельно грозным видом, Орлов провел по лицу рукой, сгоняя со лба складки и морщины, и уже своим обычным тоном проговорил:

– Ну, слушаю вас...

– Круг подозреваемых определить пока не удалось, но перспективное направление найдено, – спокойно начал Гуров. – Оба эти убийства уже сейчас можно объединять в одно дело,

а причину происшедшего надо искать в прошлом потерпевших. Судя по свидетельским показаниям, убийца, скорее всего, женщина, причем молодая и очень привлекательная. Сейчас будем изучать записи камер видеонаблюдения гостиницы. Швейцар рассказал, что одна из постоялиц у него вызвала некоторые подозрения – то она шла блондинкой в наряде ню, то брюнеткой монастырского вида.

– Фоторобот составить есть возможность? – поинтересовался Орлов.

– Трудно сказать... – откликнулся Крячко. – Я так понял, он особо ее не запомнил и о том, что это может быть одна и та же женщина, сообразил уже потом. Но попробовать стоит – пусть будет хоть приблизительный портрет, чем вообще никакого.

– Вы хотите сказать, что у вас есть какие-то серьезные сомнения по поводу прошлого потерпевших? – из голоса Орлова окончательно выветрились оттенки раздражительности.

– Конечно! – Гуров кивнул и достал из кармана пиджака конверт. Не спеша открыв его, он извлек цепочку с болтающимся на ней черепом-пауком, положил на стол перед Орловым и с какой-то непонятной хитрецей в голосе спросил:

– Как думаешь, что это может быть?

– Ну-у... Обычная зэковская кустарщина, – пожал плечами Петр. – А у кого из них вы это нашли?

– У обоих! – Гуров достал из конверта еще одну, точно такую же вещь.

– Ух ты-ы! Вот это да! То есть и одинаковые метки, оставленные убийцей, и эти «пауки» позволяют сделать уверенный вывод о том, что и Вингров, и Капылин знакомы давно, что оба имеют какое-то отношение к местам заключения, что причина их убийства одна и та же. Только – какая? Кстати! А эти «сувениры» вы нашли на убитых или в их вещах?

– В вещах... – Лев вопросительно посмотрел на Орлова: – Ты видишь в этом вероятность какого-то подвоха?

– Отчасти да... – Петр повертел в руке одного из «пауков». – Мы не можем допустить вероятность, что эти изделия тоже подложены руками убийцы? Ну, чтобы сбить нас на ложный след? И, кстати, где именно они были обнаружены?

– У Вингорова – на дне его несессера, под одеждой, – сообщил Станислав. – А у Капылина – в рабочем кабинете, в одном из ящиков стола.

– Знаешь, теоретически можно бы и допустить вариант с подлогом, – укладывая «пауков» обратно в конверт, кивнул Гуров. – Но есть еще одно очень важное обстоятельство. На правом плече обоих одинаковая татуировка. Правда, она почти полностью вытравлена. Скорее всего, в какой-то очень недешевой клинике, с использованием лазера. Однако судмедэкспертам удалось все же разглядеть, что там был изображен череп, сверху вниз пронзенный мечом и обвитый змеей. Есть и другие, тоже вытравленные татуировки, но одинаковые только эти.

– То есть ты полагаешь, что когда-то они отбывали срок, причем на одной зоне? – спросил Петр, глядя куда-то в пространство.

– Можно даже сказать – уверен, – твердо проговорил Лев. – Сейчас надо будет задействовать своих информаторов – пусть порыскают, может, им и удастся что накопать? Ну, а мы пока проверим контингент тюрем и колоний. Я думаю, нынешние имена обоих усопших – полная липа. Скорее всего, раньше их звали по-другому. Сейчас дам задание информационщикам, чтобы они через базу данных «Папилона» пробили отпечатки пальцев наших покойничков.

– Ну, хорошо... Это уже что-то стоящее, – согласился Орлов. – А то сегодня спозаранку – дзынь-дзынь-дзынь! Дзынь-дзынь-дзынь! То из министерства звонят, то из Думы. И все-то уличить нас норовят в полном бездействии и стремлении замять это дело... Уж так достали – спасу нет!

– Первый раз, что ли? – коротко хохотнул Лев. – Обычная история. Сначала нас уговаривают взяться за дело. Случается, даже руки выкручивают – берите! Мол, дело наиважнейшее, к которому лучшие умы не могут подступиться. Потом шпыняют, что плохо и медленно

работаем. Когда появляются первые результаты, ставят другую пластинку: ой, да на вашем месте даже новичок накопал бы больше. А когда раскрыли, тут же выясняется, что дело-то было совсем ерундовское, для сыщиков младшего дошкольного возраста. И под занавес кто-то из шишек обязательно уткнет на очередном совещании: и за что только получаете зарплату?!

– Вот-вот! Сплошное дежавю! – Стас поднялся с кресла: – Ну, что? Мы пошли работать! А то ведь и в самом деле – на нас смотрит страна, а мы тут расслаживаемся. Вперед! На мины!

– Да, пожалуй, мы пойдем. – Гуров тоже встал и с хрустом потянулся. – Сегодня у нас дел – полным-полно.

...Зайдя в информотдел, Гуров поручил капитану Жаворонкову идентифицировать отпечатки пальцев Вингрова и Капылина. Тот, обернувшись к судмедэксперту Дроздову, который тоже домогался его помощи по части какого-то запроса, демонстративно развел руками и, полностью уйдя в себя, забегал пальцами по клавиатуре.

Впервые за весь этот день войдя в свой кабинет, Гуров обратил внимание на Стаса, который с весьма заинтересованным видом что-то просматривал на экране монитора ноутбука. Покосившись в сторону Льва, тот поспешно пояснил, что решил изучить технологические принципы работы автоматизированных банков данных дактилоскопической информации. Ответив ему понимающим однозначным «О-о-о!..», Гуров достал телефон и набрал номер Марии. Этим утром она выглядела не слишком здоровой, и хотя жаловаться на болезни обыкновения не имела, он сразу понял, что его половина явно не в своей тарелке. А завтра ей ехать с театром на гастроли. Хотя, если по совести разобраться, о каких гастролях могла идти речь? Тут надо срочно идти к докторам.

– Да, Лев, слушаю... – наигранно-безмятежным тоном откликнулась Мария.

– Как ты там? – строго поинтересовался Лев, уже поняв, что до идеального состояния здоровья ей далековато.

– Тебе что, на работе делать нечего? – Мария пустила в ход свой коронный прием для подобных ситуаций, который Гуров называл «наезд встречным курсом». – У меня все хорошо.

– Да? А у врача была? Он что сказал? – прекрасно зная все уловки своей жены, Лев и не подумал отступить.

– Гм... А зачем мне к врачу? – попыталась возмутиться Мария. – Слушай, Левка, хватит на меня давить. Я – взрослый человек, и мне лучше знать...

– Все понятно! – бесцеремонно прервав ее тираду, непререкаемым тоном резюмировал Гуров. – В общем, так... Или ты сейчас же заедешь в поликлинику и покажешься терапевту, или завтра никуда не поедешь, ни на какие гастроли.

– И как же ты собираешься это сделать? – в голосе Марии чувствовалась подначка. – Прикуешь наручниками к батарее?

– Отличный вариант! – рассмеялся Лев. – Заметь – предложила ты сама. В общем, если вечером я не получу доказательств посещения поликлиники, завтра утром ты в аэропорт не попадешь. Я сломаю замок входной двери. Пусть и сам на работу не попаду – Петр меня поймет, но ты уже точно никуда не улетишь.

– Левка, ты – тиран и деспот! – тяжело вздохнула Мария. – Ну, ладно уж... Схожу!

Вслушиваясь в их диалог, Стас восхищенно покрутил головой:

– Ну, ты с ней круто! Никогда бы не подумал, что Мария Строева – Стро-о-ева! – может согласиться и уступить.

Он поклацал пальцами по клавишам ноутбука, щелкнул мышкой, и вдруг... Со стороны его стола раздалось противное, гнусавое «Бам-бам!», исторгнутое динамиком ноутбука.

– Твою дивизию! Тварюга поганая! – свирепо проворчал Крячко, вновь щелкая мышкой и клавишами.

Однако ноутбук опять издал издевательски-злорадное «Бам-бам!», что могло означать только одно – Стас «поймал» баннер, от которого избавиться бывает не так-то просто. Еще несколько раз услышав все тот же «музыкальный момент», Станислав вопросительно посмотрел на Льва. Тот, не проронив ни слова, подошел к нему и взглянул на экран монитора. Там, поверх страницы сайта «взрослых» знакомств, высветился гангренозно-малиновый прямоугольник уведомления, который извещал: «Внимание! Ваш компьютер заблокирован! Вы несанкционированно проникли на сайт порнографического содержания. Вам предлагается позвонить на короткий номер, чтобы получить инструкции по разблокировке вашего компьютера».

– Ну, сволочи! Ну, твари! – свирепо пробормотал Крячко, не отрывая взгляда от экрана, словно надеясь на то, что вот-вот свершится чудо, и мерзкий баннер компьютерных негодяев-вымогателей исчезнет сам собой.

– Ну-ка, дай гляну... – тронул его за плечо Лев.

Конфузливо крякнув, Стас поднялся из-за стола. Гуров сел на его место и, отключив ноутбук от блока питания, перевернул электронное устройство клавиатурой вниз и отсоединил аккумулятор. Ноутбук, издав короткое жужжание, умолк, его экран немедленно погас. Установив аккумулятор на место и снова нажав на кнопку включения, Лев, пощелкав мышкой, вышел в Интернет. На экране высветилась уже другая табличка с надписью, извещающей о том, что пользователю компьютера предлагается удалить одну или несколько вкладок или начать новую сессию. Щелкнув мышкой «Заккрыть», после чего появилось обычное стартовое окно, Гуров поднялся из-за стола и, кивнув в сторону ноутбука, без тени иронии произнес:

– Готово! Работай, только уж не лезь туда, куда лезть не стоит. Это хорошо еще, баннер оказался хлипеньким. А то случаются такие, что и опытному программисту убрать нелегко.

– Спасибо, Лева! Ты – настоящий друг, – облегченно вздохнув, опустился на свое место Стас. – Не дай бог, пришлось бы звать наших хакеров. У-у-у!.. Да я, понимаешь...

– Понимаю! Хотел с кем-то познакомиться? – приятельски улыбнувшись, опередил его Гуров.

– Вот именно... Люди же себе кого-то в Интернете находят? Ну, мне и подумалось – а почему бы не рискнуть? Рискнул, блин... И что за сволочизм такой? Ладно уж, перебыюсь как-нибудь...

– Ты насчет того, что один? Ну, вон, на Виллину обратил бы внимание. Взял бы у нее пару уроков по части нудизма. – Лев говорил вроде бы серьезно, однако Крячко сразу уловил в его глазах веселую подначку.

– Брось смешить! – протестующе фыркнул он. – Нашел кого посоветовать! В ней, мне думается, от женщины почти ничего уже не осталось. Не удивлюсь, если, кроме нудизма, в ней есть еще и какие-нибудь «розовые» наклонности.

– Это ты брось смешить! – укоризненно покачал головой Гуров. – Она об него все глаза обломала, а он подозревает бедную женщину невесть в чем!

– Да иди ты! – откинувшись на стуле, Станислав недоверчиво прищурился.

– Уже пошел! – флегматично объявил Лев и, выйдя из кабинета, направился к информационщикам.

По его расчетам, к этому моменту те уже давно должны были разобраться с отпечатками пальцев их «клиентов» и выяснить, что это за люди на самом деле. Непонятная задержка результатов отчего-то начинала беспокоить. Интуиция подсказывала – это неспроста! Что-то тут складывалось не так, как надо...

Когда Гуров вошел в помещение информационного отдела, Жаворонков с кем-то говорил по телефону, при этом на его лице было выражение разочарования и досады. Положив трубку, Валерий доложил, что с идентификацией отпечатков – дело дрянь. Он вошел в базу данных ЕИТКС (единой информационно-телекоммуникационной системы МВД) в разделе

АДИС (автоматизированной дактилоскопической информационной системы), поименованной «Папилон», и ввел через сканер отпечатки пальцев Вингрова и Капылина. Минут десять на мониторе шло какое-то мельтешение, после чего компьютер выдал сообщение, согласно которому в базе данных «Папилона» лица, отпечатки пальцев которых были предъявлены к опознанию, вообще не значатся.

– ...Я нашел номер телефона администрации ЕИТКС, созвонился с ними, – продолжал говорить Жаворонков. – И вот они мне рассказали, что неделю назад на базу данных АДИС была совершена высокопрофессиональная хакерская атака. Кто-то, войдя в банк данных, выборочно стер всю информацию о немалом числе уголовников. И прежде всего о бежавших из мест заключения. В общем, были уничтожены данные почти на полторы тысячи человек.

– Вот так! – нахмурился Лев. – Это называется – приплыли... Ну, а что же наши компьютерщики? У них же есть программные возможности по восстановлению стертых файлов?

– В принципе, есть. Но я же говорю, что там поработали настоящие асы – они все, что ими было удалено, зачистили и заблокировали, чтобы восстановление было невозможно, – развел руками капитан. – Сейчас там ищут дубликаты на компакт-дисках, чтобы все заново восстановить. Но на выборку и загрузку, по их словам, уйдет не меньше недели.

– Это называется законом подлости, – хмуро резюмировал Гуров, направляясь к выходу. – Как только что понадобится – капнут, или пропили, или потеряли...

Вернувшись в свой кабинет, он несколько раз прошелся взад-вперед, сопровождаемый любопытствующим взглядом Станислава.

– Ну, и чего там случилось? – наконец нарушил молчание тот, вертя в руках авторучку.

– Как сейчас выражаются не вполне интеллигентные люди, у нас – «полная попа». Не буду говорить грубее, – сердито обронил Лев, продолжая ходить взад-вперед. – Ты понимаешь, какая подлянка приключилась? Какие-то ушлые хакеры из криминальной среды стерли на сервере уйму информации. В том числе и ту, что нужна нам. Вот так-то! Я-то надеялся, что уже сегодня будем знать, кто же на самом деле эти Вингров и Капылин, а теперь придется их расшифровывать по старинке, ползая с лупой на коленках.

– Да, дела-а-а... Ну, и что же теперь думаешь делать? Будем ждать, пока восстановят базу данных?

– Еще чего! Время работает против нас... – Лев, наконец-то, сел на свое место и, стиснув кулаки, замер в задумчивой неподвижности. – Нет, не-е-т... Сидеть сложа руки мы не будем! Значит, сейчас отправим запросы по всем прежним местам жительства обоих наших клиентов, в том числе и туда, где их, условно говоря, место рождения. Конечно, я не думаю, что удастся найти что-то из ряда вон, но нам важна любая мелочь, любой пустяк. Этим сейчас я сам займусь, а вот ты... сейчас созвонишься с Виллиной, скажешь, например, что проникся идеями нудизма – можешь для общего расширения кругозора по этой части порыскать в Интернете, и назначишь ей чисто деловое свидание. Не обязательно у нее дома. Можно где-нибудь в парке, скажем... Ну, а там, между делом, закинешь удочку насчет Капылина. Нам сейчас важно знать каждую мелочь о его подлинной жизни. Улавливаешь?

– Улавливаю... – кислотовато усмехнулся Стас. – Слушай, Лева, а вот когда ты минут двадцать назад ляпнул насчет того, чтобы я на Виллину обратил внимание, ты уже тогда имел в виду этот вариант?

– Если откровенно, то нет, – развел руками Гуров. – Кто мог знать, что нам придется столкнуться с такой вот хренистикой, как файлы, стертые хакерами? Так что давай, Стас, вперед! Дерзай! Смелее в раскрепощенные ряды натуралистов-нудистов! Главное – информация о клиенте. И чем больше, тем лучше. Правда, не слишком увлекайся, а то, чего доброго, втянешься да потом еще и весь Главк обратишь в нудистов. О-о-о... Представляю Петра, одетого в одни лишь погоны и портупею... Это будет что-то!

Слушая его, Крячко фыркнул, представив генерал-лейтенанта Орлова в образе нудиста. Да, это было бы феноменальное зрелище!

– А сам-то куда думаешь податься? – спросил он, набирая в поисковой системе слово «нудизм».

– Сейчас попробую связаться с главным думским ППРовцем – поспрашиваю у него, что он думает о Вингрове, потом... Потом надо будет съездить в Ярославль – там офис фирмы этого «слуги народа». Нужно поговорить с его сотрудниками. Да и по месту жительства стоит порыскать. Ну, это, конечно, только завтра получится. По Капылину местные коллеги обещали помочь – к нему на квартиру они сами съездыт, ближе к вечеру обещали доложить.

Гуров снова ушел в информационный отдел, а Стас, морща лоб и напряженно шурясь, углубился в изучение выданных компьютером материалов по приверженцам голого образа жизни. Бесстрастная электроника добросовестно выдала сотни статей на запрошенную им тему. Просмотрев на одной из страниц снимки массовых «флеш-мобов» некоего «художника-авангардиста», где сотни человек, раскрашенных красками по голому телу, позировали где-то на природе, он с какого-то момента вдруг почувствовал, что его как-то не очень тянет в эту вроде бы и жизнерадостную, но, тем не менее, чем-то все равно внутренне напрягающую среду. Выключив ноутбук, он набрал номер Виллины.

На сей раз сбоя связи не произошло, и он почти сразу услышал ее голос:

– Да, слушаю вас...

Чуть откашлявшись, Крячко представился и несколько скомканно изложил причины своего звонка:

– ...Знаете, мне как-то доводилось бывать в Серебряном Бору, и я там видел сторонников, скажем так, нетрадиционного отдыха. Но, как и большинство не относящихся к нудистам, смотрел на это с осуждением. А вот послушал вас, и мне подумалось – может быть, я раньше чего-то не понимал? Мы не могли бы с вами встретиться в какой-нибудь кафешке, чтобы там это обсудить?

– Почему бы нет? Давайте встретимся. Недалеко от моего дома есть отличное летнее кафе «Росинка». Вы там через сколько можете быть?

– Минут через тридцать... Давайте так. Я туда подъеду и вам позвоню. Хорошо?

Сунув телефон в карман и вызвав по телефону внутренней связи служебную машину – его верный безотказный «мерин» несколько «занемог», и его минувшим вечером пришлось отогнать в соседнее СТО, Станислав вышел из здания Главка и, сев в подрулившую «десятку», отбыл на задание.

...Когда Гуров вошел к информационщикам, то вновь увидел подле Жаворонкова судмедэксперта Дроздова, который опять что-то излагал в своей затяжной, занудливой манере. Капитан Жаворонков с мученическим выражением лица внимал Дроздову, время от времени кивая и продолжая при этом проворно стучать пальцами по клавиатуре. Подойдя ближе, Лев негромко спросил, указав взглядом на смолкшего при его появлении судмедэксперта:

– Валера, ты сейчас сильно загружен?

– Относительно, Лев Иванович! – бодро ответил тот. – Что-то нужно найти, пробить?

Гуров достал из синего пластикового конверта два крупно исписанных листа бумаги:

– Да вот, список адресов, по которым надо разослать в тамошние ПВС запросы такого рода: действительно ли там проживали или проживают в данный момент люди, называющие себя Вингровым Константином Аркадьевичем и Капылиным Эдуардом Яновичем? Кроме того, надо сделать запрос в чернореченские зоны об этих же людях – не случилось ли им там сидеть? Сегодня сможешь все это отправить?

– Так точно! Приступаю немедленно! – ответил Жаворонков и, положив перед собой списки адресов, щелчком мышки открыл страницу электронной почты.

– Ну, а как же мой запрос?! – сердито всплеснул руками Дроздов. – Я уже второй раз прихожу, и все без толку. В чем дело?

– Я же вам говорил – изложите все, что вам нужно, на бумаге! – явно начиная терять терпение, пояснил Жаворонков. – В запросе много специфических терминов, которые нужно указать грамматически правильно, буква в букву! Это вы можете понять? Вот Лев Иванович принес четко и ясно написанные адреса, четко и ясно написанные имена людей, четко и понятно объяснил, что именно хотел бы выяснить. Все! Мне остается выполнить только техническую часть работы. Неужели это так трудно уяснить?

– Развели бюрократию! – Махнув рукой, Дроздов направился к двери, но неожиданно оглянулся: – Сейчас напишу! Но если опять ничего не будет сделано, пойду лично к Петру Николаевичу! – величественно вскинув палец, уведомил он.

...Вернувшись к себе и найдя в Интернете контактные телефоны штаб-квартиры Партии Процветания России, Гуров позвонил по номеру, который значился как «ответственный дежурный». Раздавшийся после пары гудков мужской голос звучал предельно сухо:

– Офис Партии Процветания России – на связи.

Выслушав Льва, его собеседник после некоторого молчания сообщил, что решить единолично вопрос о предоставлении угрозыски требуемой информации он не может, поэтому должен посоветоваться с первыми лицами исполкома и, попросив назвать номер телефона, обещал созвониться через десять минут.

Чтобы потратить время с пользой для дела, Гуров вышел в Интернет и набрал в поисковой строке запрос: «Предприниматели Ярославля, Вингров Константин Аркадьевич». Из множества ответов лишь один касался человека именно с такими паспортными данными. Как явствовало из информации, Вингров с 2008 года является владельцем крупной транспортной фирмы, работающей по всей России. Далее шла информация об услугах, предоставляемых ЧП «Феникс», адреса и телефоны его дочерних филиалов. А вот сам Вингров так и остался где-то за кадром.

Почти то же самое удалось узнать и о Капылине. На одной лишь информационной страничке значилось, что означенный господин – владелец и продюсер мини-театра, как нельзя лучше отражающего самые передовые тенденции современного искусства. Впрочем, нашлась и критическая статья, автор которой весьма едко высмеивал репертуар театра и его сценистику, когда на первом месте навязчивая порнографичная обнаженка и лишь потом уже сюжет и само театральное действие.

Зазвонил телефон. Ответственный дежурный ППР выполнил свое обещание. Голосом робота он сообщил, что лидер Партии Процветания России готов принять представителя внутренних органов.

– Евгений Николаевич ждет вас в шестнадцать ноль-ноль по адресу...

Дослушав «робота» до конца, Лев положил трубку, с иронией отметив про себя, что Партия Процветания явно не заинтересована в том, чтобы кто-то им звонил вообще. Во всяком случае, после общения с этим ответственным дежурным звонить еще раз в штаб-квартиру ППР так называемому «человеку с улицы» вряд ли захотелось бы. Выключив ноутбук и заперев дверь кабинета, он зашагал по коридору к выходу.

Вскоре его «Пежо» мчался в сторону улицы Артиллерийской. Поплутав по уже начавшим заполняться предвечерними пробками улицам столицы, ближе в четырем Гуров сумел попасть на не очень длинную, но просторную улочку, сплошь застроенную офисными зданиями. Без труда вспомнив названный «роботом» номер дома – семнадцать, он вошел в людный вестибюль и, показав удостоверение, уведомил, что ему нужно пройти в штаб-квартиру ППР.

– Вам надо на второй этаж, кабинет двадцать два, – без малейшего намека на пиетет скучающим тоном произнес вахтер.

Поднявшись по лестнице, Лев нашел стандартную, под красное дерево, как и десяток других таких же, дверь с номером «22». Постучав, вошел в небольшую приемную, в которой за компьютером сидела шатенка средних лет, что-то торопливо набирающая на клавиатуре. Увидев гостя, она улыбнулась и, ответив на приветствие гостя, спросила:

– Вы – Лев Иванович Гуров? Проходите, Евгений Николаевич вас ждет.

Открыв дверь с табличкой «Председатель политсовета ППР Евгений Николаевич Фырпис», Гуров оказался в просторном кабинете, где справа от входа сидел худощавый, остроносый, коротко постриженный гражданин лет тридцати пяти в отменном костюме, под сенью двух флагов – российского государственного и еще одного триколора – бело-желто-зеленого, с черной траурной лентой на древке. Судя по всему, это был партийный флаг ППР. В центре полотнища расположились треугольником три раскрывшихся цветка – ромашка, роза и лилия.

Поприветствовав гостя и предложив кофе, хозяин кабинета со скорбью в голосе сообщил, что партия в связи с убийством Вингрова «в своих рядах объявила трехдневный траур», и особо подчеркнул, что «человека такого масштаба» в ППР заменить практически нечем. Выслушав своего визави, Гуров в нескольких словах выразил Фырпису соболезнование и поинтересовался, что он может сказать об усопшем как о человеке и политике.

– Как о человеке о Константине Аркадьевиче могу сказать только то, что это был настоящий мужик – решительный, твердый, знающий жизнь и способный принимать трудные решения. – Потирая пальцем то лоб, то кончик носа, хозяин кабинета говорил чуть глуховатым тенором с нотками пафоса и некоторой даже патетикой. – Как политик – он был хорошим трибуном, умевшим отстоять свою точку зрения, умевшим убеждать и выдвигать новые идеи, интересные и нестандартные решения. Во всяком случае, с ним не рисковали вступать в полемику многие из наших думских «тяжеловесов».

– А как давно он в вашей партии? Как он в нее пришел? – поняв, что, кроме риторики «вокруг да около», от собеседника ничего не добьется, поспешил задать следующий вопрос Лев.

Фырпис, немного поведив руками, сообщил, что их партия, образовавшаяся несколько лет назад, за прошедшие годы сумела завоевать столь высокий авторитет, что на последних думских выборах получила два депутатских мандата. Одного из них удостоился сам Фырпис, а второй достался Константину Вингрову, который вступил в партию всего за полгода до выборов.

– ... Именно благодаря тому, что Константин Аркадьевич взял в свои руки руководство избирательным штабом, мы и смогли за считанные месяцы совершить столь впечатляющий рывок, – словно выступая с трибуны, вещал партийный лидер. – Наша с ним встреча произошла случайно, в Торгово-промышленной палате. Узнав, что я предисполкома ППР, Константин Аркадьевич сказал, что о нашей партии знает, что ему очень близка наша позиция по самым значимым общественно-политическим вопросам. Тут же приняв решение вступить в ППР, он объявил, что вносит в наш избирательный фонд значительные средства и готов лично принять участие в предвыборной кампании. Наш исполком мог только приветствовать пополнение своих рядов столь незаурядным членом.

– А как вы думаете, кто и почему мог убить Константина Вингрова? – спросил Гуров, уже заранее зная, что услышит в ответ.

Как он и предполагал, ответ Фырписа оказался обтекаемо-пафосным:

– Поднять руку на такого человека мог только конченный отморозок, без чести и совести, который заслуживает самого сурового наказания. А в том, что это убийство чисто политическое, у меня и членов нашей партии нет ни малейшего сомнения. Возможно, просматривается даже ближневосточный след.

– У вас есть какие-то предположения? – Последний пассаж очень заинтересовал Гурова.

– Скорее всего, к его убийству причастны проасадовские элементы из числа сотрудников сирийского посольства. Наша партия, приверженная либеральным ценностям, заняла позицию неприятия поддержки кровавого диктатора Башара Асада. Константин Вингров как член комитета по международным делам при рассмотрении вопроса об оказании помощи Асаду занял единственно верную позицию – он высказался о недопустимости поддержки убийцы собственного народа. Разумеется, представители правящей партии и якобы парламентской оппозиции протащили решение, выгодное тирану. Но мы все равно остались при своем особом мнении. Я думаю, история нас рассудит.

Выслушав этот выпренный спич, Лев пожал плечами:

– Но вообще-то Сирия на сегодня как бы наш союзник. На ее территории наша база ВМФ. Да и народ, как явствует из СМИ, во многих случаях идет в ополчения, противостоящие... гм... повстанцам. Впрочем, не будем углубляться в политические аспекты происходящего в Сирии. Пусть этим занимаются политики. Но если брать во внимание версию с «ближневосточным следом», то, может быть, имели место угрозы, слежка, какие-либо провокации?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.